

Едва Хан Сиэнь и его люди ворвались в неприметный дворик, как навстречу им из дома вышел Хан Пин. Наследник с тонкой, едва заметной усмешкой взглянул на стоявшую рядом женщину.

— И кто только что уверял, будто не знает моего третьего дядю, а мы ошиблись адресом?

Женщина переменилась в лице и затравленно посмотрела на Хан Пина. Тот, нахмурившись, оглядел окруживших двор гвардейцев, после чего перевёл тяжёлый взгляд на племянника и процедил сквозь зубы:

— Судя по этому сброду, сегодня ты твёрдо вознамерился повесить на меня какое-нибудь преступление.

Хан Сиэнь небрежно опустил на первый попавшийся стул и снисходительно усмехнулся:

— Ну что вы, дядя, как можно? Вы несправедливы ко мне. Высочайшим указом мне поручено расследование дела о прорыве дамбы в Лянцзяне. Мы с вами связаны кровными узами, к тому же вы занимаете пост в этих краях и так или иначе оказываетесь под подозрением. Чтобы избежать кривотолков, я просто обязан помочь вам очистить честное имя. Так что нынешний визит — мера вынужденная. Надеюсь на ваше понимание.

Выслушав эту тираду, Хан Пин окончательно понял: сегодня Сиэнь не отступится, пока не добьётся своего. Впрочем, бесцеремонные замашки племянника, больше напоминавшие подготовку к конфискации имущества, его не слишком пугали. Едва разразилась катастрофа на реке, Хан Пин тут же вывелся из-под удара, тщательно замата следы. Он не верил, что за столь короткий срок этот мальчишка сумел раскопать хоть какие-то зацепки.

И всё же наглость юнца вызывала у него глухое бешенство. Хан Пин мысленно поклялся: стоит лишь улеться этой буре, он немедленно свяжется со старшим братом и добьётся, чтобы Сиэня лишили титула наследника. А если понадобится — просто заставит паршивца исчезнуть раз и навсегда.

Успокоив себя этими мыслями, Хан Пин вернул лицу бесстрастное выражение и ледяным тоном спросил:

— И в чём же конкретно ты планируешь меня обвинить?

Хан Сиэню было плевать, какие тёмные помыслы роились в голове его родственника. Врагов, мечтавших сжить его со света, и без того хватало с избытком — одним больше, одним меньше, какая разница?

Тем не менее он с лёгкостью обошёл расставленную дядей словесную ловушку. Сделав

предельно серьёзное лицо, Хан Сиэнь укоризненно покачал головой:

— Дядя, вы столько лет провели на службе, а до сих пор бросаетесь такими безответственными словами. Вы — чиновник, назначенный лично Его Величеством. Лишь государь волен судить вас и выносить приговор. Я же, пусть и наделён полномочиями императорского уполномоченного и держу в руках меч Шанфан, подобных прав не имею. Видите тех чиновников, чьи усадьбы я арестовал по дороге сюда? Все они сейчас под конвоем гвардейцев ждут отправки в столицу. Их участь решит императорский суд, и только он.

Эта безупречно благородная речь на мгновение лишила Хан Пина дара речи. Хан Сиэнь не стал тратить время на пустую пикировку и перевёл взгляд на притаившуюся рядом с дядей женщину.

— Полагаю, сия очаровательная особа и есть Юньнянь? — вкрадчиво произнёс он. — Признаться, у меня и в мыслях не было нарушать ваш покой, дядя. Однако на мой стол лёг донос, в котором вашу тайную сожительницу напрямую обвиняют в страшном злодеянии. Якобы она, позарившись на золотоносную жилу близ деревни Фулу, вошла в сговор с разбойниками. Чтобы прибрать к рукам сокровище, они умышленно привели в селение зачумлённых бедолаг. В итоге вся деревня вымерла. Официально — от мора, на деле же — это было хладнокровное, спланированное убийство. Когда я читал эти бумаги, у меня кровь стыла в жилах. Что скажете, дядя? Какое богатство может стоить того, чтобы ради него вырезать под корень целое селение?

Под конец фразы губы Хан Сиэня тронула едва заметная, жутковатая улыбка. Он говорил поразительно буднично, ровным, почти ласковым голосом, но от сути его слов у всех присутствующих по спинам пробежал ледяной озноб.

Даже стоявший рядом Цзи Ло не подозревал, что к этой грязной истории причастен Хан Пин. В его воспоминаниях трагедия деревни Фулу долгое время оставалась нераскрытой тайной. Лишь много позже, когда один из провинциальных чиновников вернулся в столицу с отчётом, государю донесли, что в горах близ Фулу велась незаконная добыча золота.

Только тогда при дворе заподозрили, что повальный мор и спешное предание деревни огню скрывали под собой куда более зловещую подоплёку.

Но к тому времени утекло слишком много воды. И хотя император вознамерился докопаться до истины, все рудокопы подозрительно вымерли за одну-единственную ночь, а добытое золото бесследно исчезло. Назначенный тогда уполномоченный вернулся ни с чем, и гибель Фулу окончательно превратилась в неразрешимую загадку.

После прорыва дамбы зараза расползлась повсеместно; вымершие деревни жгли десятками, так что в потере улики и обрыве нитей следствия никто не усмотрел ничего странного.

Помня об этом деле, Цзи Ло давно пытался наладить тайное наблюдение за Фулу. Вот только разорённая мором местность была объявлена запретной зоной, а уцелевших крестьян из

окрестных земель принудительно переселили в другие уезды. Чужакам туда путь был заказан, собирать сведения в опустевшем краю оказалось делом почти безнадежным, и Цзи Ло ума не мог приложить, как Хан Сиэнь сумел раскопать связь Хан Пина с этой трагедией.

Услышав это, Хан Пин побелел от злости.

— Наглая ложь! — вскричал он, негодуя взмахнув рукавом. — Земли Фулу находятся под моим управлением! Будь там золотоносная жила, неужели я остался бы в неведении?!

Хан Пин настраивал себя на то, что племянник предъявит ему растрату или взяточничество — к этому он успел подготовиться. Но обвинение в умышленном убийстве застало его врасплох, заставив кровь вскипеть в жилах.

Хан Сиэнь лениво перевёл взгляд на Юньнянь и ядовито процедил:

— А вот об этом, дядя, вам лучше расспросить вашу драгоценную зазнобу. Ей наверняка есть что порассказать.

<http://bllate.org/book/20088/2002012>